

ВЛАДИМИР ПРУДОВСКИЙ

An illustration in a painterly style showing a man and a mouse hiking through a forest. The man, on the left, has a long nose, wears a red cap, a plaid shirt, and blue pants, and carries a large backpack with a rifle on his back. The mouse, on the right, is anthropomorphic, wearing a blue shirt and brown pants, and also carries a small backpack. The background is a dense forest with green foliage.

**ЗАВТРАК С
ЧУПАКАБРОЙ**

Владимир Прудовский

Завтрак с чупакаброй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73528273

SelfPub; 2026

Аннотация

Одна странная новость может превратить обычное утро в настоящее приключение.

Ночью в лесу кто-то ходил. Огромные шаги, загадочный шёпот и непонятные следы под деревьями... Кто-то клянётся, что это была чупакабра. Существо, о котором все слышали – но никто никогда не видел.

Охотник Боб и его друзья решают проверить, что же на самом деле происходит в лесу. Они идут по следу, находят всё новые странные улики и всё больше запутываются в этой истории.

Но иногда самое загадочное приключение начинается не с монстра...

а с очень неожиданного завтрака.

Добрая, смешная и немного таинственная история о дружбе, любопытстве и о том, что в лесу всегда происходит что-нибудь удивительное.

Владимир Прудовский

Завтрак с чупакаброй

Глава 1

Глава 1

Утро в лесу похоже на целый оркестр звуков. Сначала слышны далёкие, тонкие посвисты птиц – их почти не различить. Это скорее лёгкий намёк на пение, и приходится напрягаться и вслушиваться, чтобы понять, свистят ли они вообще. Потом, не спеша, вступают басовитые кукушки со своим долгим и протяжным "Ку-Кууу, Ку- Кууу, Ку- Кууу". Следом отзывается ручей. По утрам он журчит совсем иначе, чем ночью: сперва тихо и неспешно, а затем всё настойчивее и громче. После этого просыпается листва и, под лёгким ветерком, начинает шелестеть, нащёптывая тебе разные мысли. Все эти звуки сплетаются в невероятно красивую и сложную мелодию, понятную каждому обитателю леса.

С первыми лучами солнца, в лесу поднимается оживлённая суeta. Белки скачут по ветвям, перебегая от одного своего тайника к другому. Каждое утро они проверяют наличие запасов. По дороге, они умудряются громко ругаться друг с другом, потому что всегда забывают где находятся их многочисленные тайники. Зайцы спешат к лужайкам, где трава

все ещё блестит каплями утренней росы. Она кажется зайцам особенно вкусной и сочной. А работяга ёж, возвращается после того, как проработал всю ночь. Он спешит к себе домой, пыхтя и что-то бормоча себе под нос. На реке, бобры дружно начинают чинить плотину, хлопая хвостами по воде. А на дальних холмах, ворон спорит с сорокой о том, чей же голос первым разбудил весь лес. Даже старый дуб, что стоит на опушке и тот, казалось чуть пошатывает ветвями, словно потягивается после сна.

Лес просыпался каждое утро так, будто впереди его ждал не просто день, а весёлый праздник. Кто-то спешил по делам, кто-то что-то чинил, а кто-то уже менял ягоды на орехи. В общем, это было обычное утро в необычном лесу.

На самой опушке леса жил Боб.

Боб был охотником – весёлым и неунывающим. На первый взгляд Боб казался самым обычным человеком, но стоило ему улыбнуться или заговорить о приключениях, как становилось ясно: этот человек умеет притягивать истории.

Боб был выше среднего роста, с растрёпанными волосами и роскошными бакенбардами, а в его глазах всегда искрился живой энтузиазм. Он редко сидел на месте – лес звал его всё дальше и дальше, туда, где прятались редчайшие животные и рождались легенды, о которых ещё никто не успел рассказать.

Хижина дома стояла под широкой елью и густые ветви этой ели защищали дом от ветра и дождя во время осенней

непогоды и давали густую тень, когда солнце нещадно палило знойным летом. Построена хижина была добротной, с душой. Боб строил ее не по чертежам, а «по настроению». Стены из светлых сосновых брёвен блестели капельками смолы и пахли свежей древесиной даже спустя годы. Между брёвен виднелись толстые полосы мха. Это было сделано не случайно. Когда Боба спрашивали почему он положил так много мха между брёвен, он всегда отвечал: «Чтобы дому мягче дышалось, да и я внутри дышу от этого легче».

Камни в основании дома были разные. Эти камни Боб принес из реки, а уж откуда они взялись в реке – это было никому не известно. Некоторые камни имели прожилки, напоминающие старые карты, и Боб однажды пошутил, что по ним можно «дойти до самого горизонта».

Крышу избушки покрывала горбатая черепица, поросшая мхом. Весной на нём распускались крошечные жёлтые цветы, и вокруг них тихо жужжали пчёлы, собирая нектар. Это жужжание не раздражало, а давало понять, что жизнь кипит даже в покое. А ещё на крыше была маленькая площадка, куда Боб каждый вечер ставил фонарь, приглашая всех заглянуть на огонёк.

Боб любил просыпаться в лесу. В то утро он ещё сквозь сон услышал, как Сиквик гремит кастрюлей. «Значит, каша уже варится», – подумал Боб и улыбнулся. По крыльцу легко пробежала белка. Боб потянулся, зевнул и выглянул в окно: солнце только показалось из-за холма, а лес уже во всю жил

своей утренней жизнью.

Боб вышел на крыльцо и вдохнул утренний лесной воздух. Воздух был свежим, прохладным и чуть сладковатым от росы и цветущего душистого чабреца.

– Утро в лесу – самое лучшее время, – сказал Боб, широко улыбнулся и добавил, – сегодня обязательно найдётся приключение.

– Если ты закончил любоваться утренними красотами, то каша готова. – проворчал Сиквик, выглядывая из-за бочки. Это была старенькая бочка, куда Боб собирал дождевую воду. В лапках Сиквик держал деревянную ложку на которой виднелись кусочки тыквы и каши.

Сиквик был невысокой, крепкой крысой с тёмными блестящими глазами, которые всегда были чуть прищурены, будто он смотрит на мир с лёгкой ироничной ухмылкой. Он носит маленькую сумку через плечо, где хранит книгу заметок, пару карандашей, складную линейку, компас, несколько сухих орехов и ещё «что-то на случай, если дедукция подведёт». Сиквик знает чуть ли не всё на свете – от законов физики до современных романов и социологии лесных сообществ.

– Вот, что я тебе скажу, Боб, – неспешно начал Сиквик в то утро, – все великие приключения начинаются с каши.

– С каши?, – Боб удивлено посмотрел на Сиквика.

Он спустился с крыльца и подошёл к большому деревянному столу под еловыми ветвями. Время и сотни чашек чая

сделали его гладким и тёплым на вид. По обе стороны стояли тяжёлые лавки, а на одной из них всегда лежал пёстрый плед – то ли для гостей, то ли для кота, которого никто никогда не видел.

На столе царил привычный беспорядок: кружки, миска с орехами, забытая книга в кожаном переплёте, подсушенные травы, принесённые кем-то ещё весной. Но именно этот беспорядок и делал это место уютным. Он создавал ощущение нескончаемых дружеских посиделок. Здесь чай всегда был тёплым, ложки вечно терялись, а гости никогда не уходили сразу.

Здесь, по утрам Боб завтракал, угощая забежавших к нему обитателей леса, узнавая за завтраком от них все новости. А вечерами, он любил сживать за этим столом в компании друзей, попивая чай и ведя неспешные беседы о смысле жизни и предназначении бытия. Именно здесь, за этим столом, происходили все важные события – философские споры, рассказы о чудесах и даже ссоры, которые обязательно заканчивались смехом.

Боб сел на лавку и повторил:

– Точно с каши, ты ничего не спутал?

– С каши! – категорично ответил Сиквик.

– Сиквик, ты конечно великий знаток Вселенной и всех её законов, но где каша и где Великие Приключения.

– Вот именно, Боб, вот именно. Да, я знаю некоторые законы Вселенной, – скромно сказал Сиквик. – И утренняя ка-

ша их центр. – пафосно продолжил мистер Сиквик, многозначительно подняв указательный палец вверх.

– Это ж еда, Сиквик. – усмехнулся Боб, беря в руку ложку.

Сиквик как-будто даже и не слушал Боба. Раскладывая кашу по тарелкам он продолжал.

– Вот как начинается утро в лесу? Птицы поют, всё живое бежит куда-то, кругом шум, дела... А знаешь, что общего у нас, у всех? – Сиквик вопросительно посмотрел на Боба и подал ему тарелку с дымящейся и вкусно пахнущей кашей.

Боб только пожал плечами.

– Мы чувствуем, как урчит живот. У всех утро с этого и начинается. – Сиквик вздохнул. – А если у тебя урчит живот, то какие уж тут приключения.

Боб усмехнулся:

– Да уж, тут не до приключений. Убедил, Сиквик, каша – это хорошее начало дня.

– Это не просто начало, – Сиквик съел ложку каши и продолжил. – Это врата к подвигам! Без неё ты мчишься за чудесами, а к обеду возвращаешься без сил и рассказываешь, как «чуть-чуть не догнал», "немного не поймал".

Сиквик вдруг приосанился и, глядя куда-то вдаль стал говорить очень торжественно:

– Каша – это стабильность. Это мудрость утра. Она даёт тебе не только силу ног, но и терпение. Потому что пока она варится, ты успеваешь подумать, в какие дебри ты сегодня полезешь.

Боба очень развеселила эта утренняя лекция о простой каше. Он уже во всю улыбался всеми своими 32мя зубами.

– А если я не думаю?

– О чем не думаешь? – удивленно спросил Сиквик.

– Ну. не думаю в какие дебри меня занесёт сегодня. – сказал Боб.

– Тогда я подумаю за тебя, – ответил Сиквик и улыбнулся. Вся торжественность с него незаметно слетела и он вновь стал старым, добрым мистером Сиквиком.

Он ухмыльнулся и доел свою тарелку.

– Когда-нибудь, Боб, мы будем знамениты, и про нас будут писать книги. И знаешь, с чего начнут первую главу?

– С чего?

– С каши. Потому что всё великое сначала тихо булькает на печке, а потом превращается в приключения... – задумчиво сказал Сиквик.

Боб рассмеялся, стукнул ложкой по краю пустой тарелки.

– Ладно, философ, про кашу я все понял. Теперь давай решим, чем мы будем сегодня заниматься.

Сиквик задумался и только он собрался отвечать, как внезапно услышал громкое шуршание в кустах жимолости, росших возле дома.

– Похоже к нам спешат приключения. – сказал Боб.

Тут из зелёных зарослей сначала показался пушистый хвост, а затем появилась полосатая мордочка. Её обладателем был енот Шерман, весь мокрый и взъерошенный. На

бровях и усах его висели капли росы, а с правого уха свисала паутина. Он выскочил к избушке Боба и перевёл дух.

– Боб! Сиквик! – выпалил енот, даже не здороваясь. – Срочно чай! И слушайте новость!

Шерман плюхнулся на скамейку и схватил чашку со стола. Сиквик поморщился, ведь это всё-таки это была его любимая чашка и в ней был его чай.

– Я видел её! – выпалил Шерман. – Я её видел!

Боб насторожился. Шерман был воплощением суеты в меховой шкуре. Он живёт по принципу: если можно сделать всё сразу, надо сделать всё сразу. Он одновременно роет себе нору, собирает орехи для зимы, готовит свой “суп из десяти ягод” и строит ловушку для какого-то мифического зверя, при этом забывая, где что лежит и что он собирался закончить первым. Говорил Шерман так же – перескакивая с темы на тему, так что слушатели сначала путались, а потом только вздыхали: «Ну это же Шерман».

– Кого «её»? – осторожно спросил Боб.

– Чупакабру! – торжественно заявил енот и хлебнул чаю.

– Ты уверен? – спросил Боб, чувствуя, как внутри поднимается волна азарта.

– Конечно уверен! Это была самая настоящая чупакабра! – Шерман так энергично кивнул, что блестящая капля росы скатилась по его носу и упала на лапы. – Огромная, с глазами, как фонари. На лапах – когти, хвост – длинный, а смех... ой! смех, как у совы... но ещё и шёпотом! Стояла у

старого оврага и смотрела прямо на меня!

Сиквик медленно поднял бровь:

– А может это была очень сердитая сова?

– Нет, нет! – замахал лапами Шерман, – я не спутаю! Да, а ещё, кстати, у меня есть потрясающее ведро ягод! Точнее, было... пока я не отдал его Питеру, потому что он сказал, что сварит варенье... Но варенья нет!

Пока они говорили Шерман уже успел выложить на стол моток верёвки, мятую шляпу, полбанки варенья и свой блокнот со списком «важных дел на сегодня». Первым пунктом в нём значилось: "Напомнить себе, что надо что-то напомнить".

– Да какая разница что там с вареньем! – воскликнул Боб. – Что с чупакаброй?

– А что с ней? – ответил Шерман. – С ней, вроде, все в порядке. Я даже собрался поймать её. Яму выкопал... ну, кажется, выкопал. Только не проверил, попалась ли она. И ещё не уверен, замаскировал я её или наоборот...

Он нахмурился, пытаясь вспомнить, а потом схватил блокнот и принялся что-то быстро дописывать, бормоча:

– Найти яму... или выкопать яму... или вспомнить, выкопал ли я её вообще...

Сиквик неторопливо налил себе чай в другую кружку. Боб задумался и почесал затылок, а потом подался вперёд, хлопнул ладонями по коленям:

– Всё, решено! Идём выслеживать чупакабру!

Его глаза засияли от предвкушения нового похода.

Сиквик вздохнул, поставил кружку на стол, потом спрыгнул с лавки и начал убирать посуду со стола:

– Я же говорил, утро с кашей всегда заканчивается приключениями.

Он обернулся к Бобу:

– А напости-ка... что такое чуакабра?

– Ну, как. Это мифический зверь с огромными глазами и страшными зубами, – уверенно сказал Боб. – Шерман сам говорил – бродит у старого оврага. Вот туда мы и пойдём.

Сиквик медленно поставил чашку в раковину:

– Прекрасно. Значит, мы идём искать существо, которого никто никогда не видел, которое никто толком не описал и которое вполне может быть выдумкой Шермана. – Он посмотрел на енота. – Без обид.

– Именно! – оживился Боб, будто все эти доводы были только «за».

Шерман уже подпрыгивал:

– Я принесу верёвку, фонарик, печенье, мой старый компас, и... эээ... удочку?

– А удочку зачем? – спросил Боб.

– Ну, вдруг она любит рыбу.

– Логично. – пожал плечами сказал Боб.

– Это совсем не логично, – возмутился Сиквик, но тут же взял себя в руки. – Давайте попробуем рассуждать разумно. Мы не знаем, что это за зверь, а значит, не знаем, – он стал

загибать пальцы, – где он живёт, чем питается и как себя ведёт...

– И какого цвета у него мех! – перебил его нетерпеливый Шерман.

– А это зачем?

– Ну а вдруг мы его увидим издалека. И не будем знать что он это он. Точнее она. – ответил Шерман.

– Кто она? – ещё более запутавшись спросил Сиквик.

– Чупакабра. – ответил Шерман.

– Ну хорошо. – Сиквик решил согласиться, так как понял, что иначе они тут останутся спорить до зимы. Он продолжил. – Итак, учитывая все что мы не знаем о Чупакабре, любой предмет, который мы возьмём, имеет равную вероятность быть полезным... или абсолютно бесполезным.

Боб поднялся с лавки, его глаза горели, голова требовала действий, а ноги и руки не находили покоя:

– Ну, тогда давайте возьмём всё!

– Это не рационализация, – покачал головой Сиквик и со вздохом сказал чуть слышно, – это какая-то хаотичная мобилизация.

Но его уже не слушали.

Шерман вскочив с лавки вслед за Бобом, радостно подлил масла в огонь:

– А ещё блестяшки! – радостно добавил Шерман. – Вдруг она, как вороны, любит всё яркое!

Сиквик понял, что сегодня разум здесь не победит.

– Хорошо, – сказал Сиквик вздохнув. – добавим: блестяшки, еду, верёвку.

Сиквик предпринял последнюю попытку не бросаться в приключение сломя голову:

– Если мы идём всерьёз, то нам нужен серьёзный план.

– План простой, – отрезал Боб. – Идём в лес, слушаем, смотрим, ловим!

– Это не план, – снова вздохнул Сиквик. – Это надежда.

Но ни Боба, ни, тем более Шермана отсутствие плана несколько не беспокоило. Боб воодушевлённо потирал руки, прикидывая что же он возьмет с собой. Он намеревался что-то сказать, но неожиданно замолчал. Он почувствовал что что-то незаметно изменилось. Сам воздух вдруг стал другим. Воздух стал тише, прохладнее, будто даже лес затаил дыхание. Из-за елей потянуло запахом росы, мяты и чего-то еще едва уловимого, смолистого.

И в следующую секунду прямо из этой тишины вышла Агнесс.

Не внезапно – просто в какой-то момент она уже стояла рядом, словно была здесь всегда. Свет мягко ложился на её зелёный плащ, а на плече сидел маленький совёнок, задумчиво крутивший головой. В руках Агнесс держала связку трав, пахнущих полынью.

Агнесс редко появлялась неожиданно – чаще казалось, что она была рядом всегда.

Загадочная и добрая лесная ведьма, она жила глубоко в

сердце сказочного леса и знала его так, как знают дом, в котором прожили всю жизнь.

Её серебристо-седые волосы были украшены листьями и цветами, меняющимися вместе с сезонами, а лицо светилось спокойствием и тихой мудростью. Взгляд Агнесс излучал такую тёплую доброту, что к ней тянулись и люди, и звери. Агнесс умела слушать лес. Она понимала язык животных и растений и знала, как связаны между собой все его обитатели, даже если сами они об этом забывали.

Она оглядел троих приятелей и сказала:

– Доброе утро, Боб, Сиквик, Шерман, – приподняв бровь, она спросила, – Ну и что за «великое приключение» у вас сегодня?

Шерман подпрыгнул, выронив банку с вареньем:

– О! Агнесс! Ты прямо из ниоткуда! А мы... мы... эээ... идём ловить чупакабру!

– Привет, Агнесс! Да. Мы идем ловит чупакабра! – подтвердил Боб.

– Мы её выследим, а потом поймаем. – продолжил Боб, роясь в ящике стоящим у дома. – где же тут веревка? Я точно помню что видел ее здесь.

Боб обернулся к Сиквику и спросил:

– Эй! Сиквик, не знаешь куда делась веревка из ящика?

– Та самая? – уточнил Сиквик. – С которой вы в прошлом году пытались поднять чайник на крышу?

– Ага! – отозвался Боб, продолжая перебирать содержи-

мое ящика. – Толстую, с узелком на конце!

– Потом ты ею связал дрова.

– Именно!

– А закончилось тем, что ты связал себя.

Боб нахмурился, выглянул из-за края ящика и сказал с достоинством:

– Так бывает у людей с активной жизненной позицией.

Сиквик! Не морочь мне голову – ты же знаешь, где верёвка.

Сиквик улыбнулся и кивнул.

– Конечно. В банке с мёдом. Туда вы с Бертрамом положили её на прошлой неделе, проверяя «новый способ консервации».

– Точно! – Боб, вспомнив, хлопнул себя рукой по лбу и убежал в дом за верёвкой.

Агнесс наблюдавшая за всем этим с лёгкой улыбкой спросила у Сиквика:

– Так значит чупакабру? Любопытно. И что вы о ней знаете?

– Если честно, то немного. – признался Сиквик. – совсем немного.

– Вот она! – Боб стоял на пороге дома, держа в руках что то очень липкое и мохнатое.

Сиквик приподнял бровь:

– Не уверен, что это всё ещё верёвка. Скорее часть экосистемы. Новая жизнь.

Боб покрутил находку в руках.

– Ерунда, – сказал он бодро. – Сейчас отмою. Немного терпения – и будет как новая!

Боб направился к умывальнику, на ходу обращаясь к Агнесс:

– Мы знаем, что чупакабра большая.

– Очень большая! – тут же добавил Шерман, – С глазами, как два фонаря!

– Она когтистая, и вроде как смеётся... или шепчет. – добавил Боб, намывая в раковине верёвку.

– Она стояла у оврага и смотрела прямо на меня! – продолжил Шерман,

– Хвост. Не забудьте хвост. – спокойно добавил Сиквик, – он у неё длинный, и по описанию подозрительно напоминающим енотовый.

Агнесс молча смотрела на них. Совёнок, сидевший у неё на плече слегка повернул голову, как будто тоже ждал развития.

– Хорошо, – наконец сказала она. – А что она ест?

Боб замялся:

– Ну... надеюсь, не нас.

– В теории, всё, что движется. – пожал плечами Сиквик. – Хотя, точнее наверное, то что не успело убежать.

Шерман задумался и неуверенно предложил:

– Может, ягоды? Или печенье? Я бы на печенье пошёл, если честно. – Шерман даже закрыл глаза и облизнулся.

Агнесс приподняла бровь:

– То есть вы идёте ловить существо, не зная, кто оно, что оно ест, как оно выглядит, где живёт и... – Агнесс задумалась на пару секунд, – А зачем оно вам?

Боб почесал затылок:

– Ну... не то чтобы "зачем", – Боб пожал плечами, – просто ради интереса.

– Наука, – добавил Сиквик сухо. – В чистом виде наука. Без фактов, – Сиквик посмотрел на Боба, – но с энтузиазмом.

Повисла тишина.

Агнесс внимательно смотрела на троих так, будто взвешивала: уйти сейчас... или остаться и предотвратить надвигающуюся катастрофу.

– Ну и... – протянул Боб, поежившись от взгляда Агнесс, – приключения ведь сами себя не найдут.

– Ага, – начал Шерман, но тут его внимание отвлекло что-то под лавкой. – О! Ложка! Я же её вчера потерял!

Он тут же забыл про чупакабру, начав рассматривать своё отражение в металле.

– Смотрите, как красиво искажается морда сбоку!

Сиквик покачал головой:

– И вот с таким уровнем концентрации мы собираемся выслеживать легендарное существо...

Агнесс улыбнулась.

– Хорошо, – сказала она, и в её голосе смешались решимость и лёгкая усталость. – Я иду с вами. Кто-то же должен

проследить, чтобы все это не закончилось трагедией.

Боб расправил плечи и улыбнулся.

– Правда? Это чудесно! С тобой у нас точно больше шансов поймать чупакабру!

– Не знаю, – пробормотал Сиквик, поправляя сумку. – вот шансов вернуться живыми точно будет больше.

– Ладно, вы тут обсуждайте детали, – сказал Боб, – а я пойду соберусь.

После этого Боб быстро исчез в своей хижине.

Агнесс посмотрела на Сиквика с лёгкой улыбкой, и как будто оправдываясь сказала:

– Я просто догадываюсь чем всё это закончится, если я не пойду с вами.

– И чем? – спросил Сиквик.

– Путаницей, переломами и травмами лёгкой степени тяжести.

Шерман тут же отозвался:

– А у меня, между прочим, есть бинты! Правда, они липкие. Ну, потому что я случайно пролил на них варенье, но суть не меняется!

Из хижины начал доноситься шум – тот самый, который возникает только тогда, когда кто-то «просто собирается в дорогу». Боб ходил взад-вперёд по дому, заглядывал под кровать, в сундуки, за печку и каждый раз громко комментировал свои поиски, будто разговаривал не с вещами, а с целым советом старейшин.

– Ага, сапоги есть... Компас! Компас, кажется, работает... хотя стрелка указывает... – Боб посмотрел в направлении стрелки, – на кашу? – пробормотал он, повернув прибор вверх ногами. – Ладно! В походе разберёмся.

Он опустил на колени у большого деревянного ящика и принялся в нем рыться. На пол вылетели старые перчатки, какой-то кусок ткани, связка ключей от давно сгнившей двери и предмет, подозрительно похожий на часть зонта..

– Где же эта кепка? – бормотал Боб, – я же ее сюда положил.

– А вот... – Боб вытянул из ящика нечто мягкое и серо-зелёное, – ...а вот и она!

Он поднял над головой выдавшую виды старую кепку, выцветшую, с дыркой на боку и надписью по центру: «ОХОТНИК ГОДА».

– Нашлась, родимая! – радостно сказал Боб, смахивая с неё пыль. В этот момент внутрь хижины заглянул Сиквик.

– Позволь узнать чему ты так бурно радуешься? – спросил он

– Я думал, навсегда потерял эту кепку в экспедиции за болотным лосем. – сказал Боб, показывая кепку Сиквику. – Когда-то ее мне подарил старик Джо.

– Тому самому Джо, что жил у реки? – с удивлением спросил Сиквик

Боб кивнул.

– Угу. Говорят, он однажды поймал медведя... сеткой для

рыбы. Правда, потом пришлось объяснять медведю, что это ошибка и долго извиняться.

Он усмехнулся, надел кепку и добавил:

– Не знаю как Джону, но мне она точно приносит удачу.

Боб улыбнулся, хлопнул себя по козырьку кепки, как будто для того, чтобы она включилась, – и пошёл к стене, где висело ружьё.

Ружьё Боба никак нельзя было назвать обычным. Боб унаследовал его от своего дедушки – человека, который умел чинить всё на свете. Дед любил рассказывать, что это не он купил ружьё, а оно само его выбрало.

На первый взгляд, это было обычное охотничье ружьё – крепкое, длинное, с тёмным прикладом, отполированным тысячами прикосновений до блеска. Темная ложа ружья была украшена гравировкой – сплетением ветвей и маленьких звёздочек. Если смотреть под углом, можно было увидеть выгравированные слова: «Для тех, кто стреляет не в зверей, а в глупость». Боб толком не знал, кто это написал – то ли это был дед Боба, то ли старый мастер, который и делал это ружьё. Боб часто задумывался о смысле этих слов, но каждый раз так до конца и не мог понять что же хотел сказать тот неведомый гравировщик.

Боб снял ружьё с крюка осторожно, почти почтительно. Когда Боб вешал его на плечо, металл тихо звякнул – будто довольный друг, готовый к дороге.

– Ну что, верный друг, покажем миру, что мы ещё в

строю?

В ответ внутри раздался лёгкий щелчок.

Сиквик, наблюдавший за этим лишь спросил:

– Верный друг? Это же ружьё, которое в прошлый раз выстрелило, когда ты чихнул?

Боб покачал головой:

– Оно просто имеет характер. Не любит, когда с ним спорят.

Боб застегнул ремень, надел рюкзак, перекинул ружьё через плечо и вышел из хижины. Он посмотрел на своих друзей.

– Ну вот, теперь точно всё на месте: сапоги, кепка, компас, веревка и ружьё. А остальное – приложится.

Пока Боб собирался в хижине, Шерман тоже готовился в путь. Его сборы выглядели как хаотичное метание по двору: он запихивал в сумку всё, что попадалось под руку, а когда места не оставалось – вытаскивал что-нибудь обратно. К концу процесса уже никто, включая самого Шермана, не мог сказать, что именно находится в его сумке.

Агнесс же, все это время, сидела за столом и кормила совенка Нура печеньем. Увидев Боба и Сиквика, вышедших из хижины, она сказала с тихой улыбкой:

– Смотрю, вы уже готовы, – сказала она. – Есть верёвка, энтузиазм и совершенно ни одной трезвой мысли. Прекрасный баланс.

Агнесс оглядела всё вокруг и чуть улыбнулась.

– Скажу честно: вы – удивительная компания. Обычно, чтобы выманить неведомое существо, нужен план, долгая подготовка и куча дорогого оборудования. А у вас – только желание и набор случайных предметов.

– И хорошее настроение, – добавил Шерман. – Это важно!

Агнесс посмотрела на него с нежной улыбкой сказала:

– Хорошее настроение – очень ценная вещь, Шерман.

Агнесс поднялась, посадила совенка на плечо и чуть улыбнулась.

– Ладно! пошли. Но предупреждаю: прыгать в неизвестные ямы я не буду.

Шерман застыл с недоумением:

– Даже если они замаскированы?

– Тем более, если они замаскированы. – ответила Агнесс.

Лес встретил их мягким шелестом листвы.

Тропа, ведущая от хижины Боба к оврагу, шла меж сосен, где свет пробивался узкими золотыми струйками через просветы в деревьях. Воздух пах влажной землёй, прошлогодними листьями и тем особенным запахом, который бывает только в начале приключений – смесью надежды и лёгкой глупости.

Боб шёл впереди, важно, как настоящий проводник. На нём была его счастливая кепка, сапоги размером с пол-леса и ружьё за спиной. Он шёл с прищуром, словно каждый куст подозревал в заговоре.

Сиквик шёл рядом, держа в лапах блокнот и время от вре-

мени делая заметки:

«9:25 утра. Боб идёт уверенно. Вероятность встретить чу-пакабру: 0,03.»

Шерман бежал то впереди, то сбоку, то где-то в кустах – и каждый раз находил что-то «невероятное»:

– Смотрите! След! Огромный след!

– Это твой, – устало отвечал Сиквик, не поднимая головы.

– А! Тогда, выходит, я нашел сам себе!

– Выходит, что так. – продолжал Сиквик, все также не поднимая головы.

Агнесс шла позади – спокойно, размеренно, будто слушая лес. Когда она шла по тропе, трава не приминалась, а будто кланялась. Листья деревьев, мимо которых она проходила чуть шевелились в такт её лёгким шагам, и даже птицы ненадолго стихали, не из страха, а скорее из уважения.

На плече у неё сидел совёнок Нур, и мирно дремал. И хоть его круглые глаза были закрыты, его чуткие уши не дремали. Стоило чему-то или кому-то подозрительно зашуршать поблизости, как он мгновенно открывал глаза и начинал зорко следить за происходящим вокруг.

Минут через десять дорога вывела их к полянке, где трава была примята и блестела от росы.

Боб остановился, осмотрелся, и сказал таинственным шёпотом:

– Чувствуете? Здесь что-то было.

– Мы здесь вчера были, – напомнил Сиквик. – Когда воз-

вращались от Бертрама. Вот тут ещё груздей нашли.

Сиквик показал на срезы грибов под деревом на самом краю поляны.

Боб отмахнулся от него:

– Да нет. Тут что-то другое.

И не успел Боб продолжить, как из ветвей над ними раздалось торопливое:

– Тррр! Посторонние на тропе! Всем лечь! Я иду на посадку!

И прежде чем кто-то успел поднять голову, сверху на землю с глухим шлёп упала пушистая буря. Листья взметнулись, мох подпрыгнул, а через секунду на поляне, прямо перед Бобом, сидел взъерошенный, но чрезвычайно довольный белка Кевин.

Рыже-серебристый, с хвостом, который был вдвое больше его самого и, кажется, жил собственной жизнью. Кевин был одновременно самым храбрым и самым трусливым существом леса. Он всегда первым замечал опасность, но никогда не упускал возможности бежать в противоположную сторону, громко предупреждая всех остальных. Его страх и отвага жили рядом, как соседи, которые постоянно спорят, но всё равно делят один забор. Он боялся всего нового – но именно он первым туда лез. Он пугался каждого шороха – но обязательно шёл проверить, что там шуршит. При всем при этом сердце у него было огромное – честное, доброе и отзывчивое. Он мог ворчать, суетиться, паниковать, но никогда не

бросал друзей, даже если потом утверждал, что «просто побежал в разведку в другую сторону».

– Кевин! – возмутился Боб, отряхиваясь от листьев и веток упавших с дерева вместе с Кевином. – Ну нельзя же вот так с неба! А если бы ты на кого-нибудь так свалился бы!

– Можно, если срочно! – ответил Кевин, с гордым видом стряхивая с себя иголки. – У меня новости!

– Ладно, Кевин. Что то ты рано. Мы думали, что ты спишь до обеда. – сказал Боб, немного успокоившись после такой бурной встречи. – так что за новости, про которые ты говорил?

– Очень важные! Серьёзные! Жуткие! – ответил Кевин.

– Отлично. У нас не было важной и жуткой информации ровно семь минут, я уже начал скучать. – сказал Сиквик и начал что-то записывать в свой блокнот.

Кевин его не слушал. Он нетерпеливо подпрыгнул на месте, глаза у него сверкали, хвост дрожал:

– Сегодня ночью я слышал шаги. Огромные! Медленные! Скрипящие! Прямо под моим деревом!

– Может, ветер? – предположил Шерман.

–Нет .– Кевин возмущённо тряхнул хвостом. – У меня очень чуткий слух! Уж я то могу отличить ветер от шагов. Это были именно шаги. Жуткие шаги!

– А не твой? – уточнил мистер Сиквик.

– Нет! – Кевин возмущённо затряс хвостом. – Я ночью не хожу, ночью я лежу и в основном сплю!

Он прищурился, сделал паузу и добавил шёпотом:

– А оно шло... прямо под моим деревом!

Боб заинтересованно подался вперёд:

– И что, большие шаги?

– Огромные! – ответил Кевин, делая лапами широкие движения. – Примерно в три часа ночи. Сначала шорох. Потом дыхание. Потом топ... топ... топ...

Кевин, для наглядности начал топтать лапками, но перусердствовал и упал.

Шерман тут же помог ему подняться, восхищённо воскликнув:

– Вот это да! Три шага ужаса!

Сиквик поднял глаза от своей записной книжки и спросил:

– А это точно не был какой-нибудь... – Сиквик задумался на секунду, – ну скажем, медведь? Слон? Или, скажем, ёж?.

– Не. Точно не ёж. Ёж пыхтит как паровоз, а это... это дышало! Вот так...

Кевин изобразил глухое дыхание, больше похожее на взволнованного белку, чем на чудовище.

Боб нахмурился, Сиквик снова что-то записал в свой блокнот:

– Отлично. Новая информация: кто-то ночью дышал под деревом Кевина. Анализируем: если дышало – живое. Если живое... – Сиквик задумался, – уже неплохо.

– А еще оно шептало! – добавил Кевин, отчаянно качая

головой. – Очень тихо. Прямо у меня под деревом!

Агнесс чуть нахмурилась и спросила спокойно:

– И что же оно шептало?

Кевин задумался, приложил лапку ко рту и тихо выдал:

– «Псс...»

Все молчали и ждали продолжения.

– ...и всё? – наконец уточнил Сиквик.

– И всё! Но это было жутко! – ответил Кевин.

Боб засиял.

– Это же отлично! Значит, у нас есть свежий след! – Радостно сказал Боб. – Если оно было под твоим деревом – мы знаем, откуда начать поиски!

Сиквик посмотрел на Боба долгим взглядом.

– Боб, мы не знаем, кто это, не знаем, где оно сейчас, и у нас единственная зацепка – Кевин, который ночью слышал «псс» под деревом.

– Вот и отлично! – радостно сказал Боб. – Значит, у нас уже есть физическое доказательство, что чупакабра существует! Ты же любишь физику.

Кевин важно кивнул:

– Ага! Вот я и пришёл предупредить вас! Ну а еще... и потому что у вас, как я слышал, есть печенье.

Боб рассмеялся, достал из сумки пачку печенья и протянул Кевину:

– Разведчику – заслуженная награда.

Кевин взял печенье и начал аккуратно раскрывать пачку.

В отличие от Шермана, Кевин никогда не суетился. Он все делал очень быстро и обстоятельно.

Агнесс, всё это время молча наблюдавшая за разговором, наконец сказала тихо:

– Лес полон существ, о которых мы ничего не знаем.

Совёнок на ее плече открыл один глаз и одобрительно ухнул.

– Но чаще всего, – добавила Агнесс, чуть наклонив голову, – ночью мы слышим собственные мысли. Те, которым днём не дали отдохнуть.

Кевин посмотрел на Агнесс и моргнул.

– Мои мысли могут шептать «псс»?

– Вполне, – спокойно ответила она. – Но что бы это ни было, оно появилось не просто так.

Кевин выпрямился, держа в лапе печенинку. Его хвост слегка дрожал от смеси страха и гордости.

– Значит, ты думаешь... это могла быть чупакабра?

Агнесс посмотрела на него мягко, почти ласково.

– Я думаю, что ты слышал то, что должен был услышать. Иногда лес выбирает кого-нибудь, чтобы передать самое важное.

Кевин, жуя печенье, поднял хвост трубой:

– Ну, может быть и так. А можно – я с вами? – Кевин посмотрел на Боба. – У меня чуткий слух и быстрая реакция.

И это было чистой правдой. А еще, в добавок к чуткому слуху и быстрой реакции, Кевин обладал отличной памятью.

Он быстро ориентировался на деревьях точно помня расположение каждой ветке на каждом дереве леса,

Кевин немного потупился и добавил:

– Только, если что, я наблюдаю с дерева. Снизу у вас слишком опасно.

Боб улыбнулся:

– Договорились, Кевин. С дерева – тоже считается.

– Ура! Я буду разведчиком! – воскликнул Кевин и ловко запрыгнул на ближайшее дерево. Уже с дерева он крикнул. – Если увижу чупакабру, то крикну “Орешки!”!

– А если ты увидишь просто орешки? – решил уточнить Сиквик.

– Тогда я крикну “двойные орешки!”! – ответил Кевин с дерева.

– Великолепно, – пробормотал Сиквик, записывая что-то в блокнот. – Новый уровень хаоса достигнут.

Боб подтянул ремень ружья, поправил свою кепку, поднял голову к Кевину:

— Ну что, разведка на месте, все готовы. Идёмте, друзья. Пора узнать, кто в этом лесу шумит по ночам.

И вся компания тронулась в путь. Тропа петляла между соснами, шуршали кусты, а над головами перекликались птицы. Лес становился всё гуще по мере того, как они продвигались в сторону того самого дерева, где ночью, по словам Кевина, топало и шептало нечто ужасное. Боб шёл впереди, осторожно раздвигая ветви ружьём. На нём по-преж-

нему красовалась кепка «ОХОТНИК ГОДА» – чуть перекосившаяся от веток попадавших по ней, но по прежнему внушавшая уверенность. Сиквик шёл рядом, поглядывая то в блокнот, то на компас который он попросил у Боба. Агнесс шла чуть сбоку, внимательно осматривая землю.

– Кевин, – спросил Боб. – далеко еще до твоего дереваи?

Кевин бежал по деревьям чуть впереди, шурша листвой и то и дело оборачиваясь, чтобы убедиться, что все идут за ним.

– Вон там! – он указал лапкой. – Под той елью! Она с двумя сучками влево и шишкой, похожей на морковку!

– Интересно, – пробормотал Шерман, семена сзади, – а чупакабры по деревьям лазают?

Ответить ему никто не успел – они уже остановились под большой елью с шишкой в виде морковки.

– Здесь! – воскликнул Кевин, остановившись. – Я сидел вон там, – он показал на дупло повыше, – а внизу кто-то шёл!

Боб опустился на колени, достал старый фонарь (который почему-то светил даже днём) и осветил землю. Мох был взъерошен, трава примята, между корней темнели странные отпечатки, похожие на следы... но непонятно чьи.

– Так... ага... Что-то действительно здесь было, – сказал Боб, водя пальцем по мху. – похоже это следы.

Сиквик подошёл к Бобу и посмотрел на след. Потом он наклонился ниже и прищурившись начал рассматривать след. Трава была примята, ветви некоторых кустов были надлома-

ны.

– По размеру... – начал он. – Хмм. Меньше медвежьих, но крупнее кроличьих. Прекрасно. След размером с твою ладонь.

С ветки над ними раздался тревожный шёпот Кевина:

– А может, не будем выяснять кто это... и просто уйдём? Ну, пока оно не вернулось?

Лес словно услышал Кевина.

Птицы замолчали разом. Они не вспорхнули, не улетели, а просто перестали щебетать. Шелест листвы стих, и на полянке стало так тихо, что Боб вдруг отчётливо услышал собственное дыхание.

Даже запах изменился: влажная земля и хвоя отступили, уступив чему-то сырому и холодному, будто из глубины оврага.

Боб поёжился и снова наклонился к следам. Сиквик молча достал линейку и принялся измерять отпечатки – вдоль и поперёк.

Агнесс стояла чуть в стороне, ладонью коснувшись ствола ели. Её взгляд был сосредоточен, будто она слушала не то, что говорят друзья, а что рассказывает сам лес. Агнесс присела рядом с Бобом. Она провела пальцами по следу – и тихо сказала:

– След свежий. Земля еще влажная... Похоже, кто-то действительно проходил здесь ночью.

Боб кивнул и указал на траву:

– Видишь? Примята в разные стороны. Оно не просто проходило – останавливалось. Ждало... или вынюхивало что-то.

Он прищурился:

– Шаги какие-то странны., Слишком уж они лёгкие для зверя, а для птицы слишком тяжёлые.

– Ух ты! как интересно, – вполголоса заметил Сиквик. – Похоже, мы ищем нечто, что нарушает законы физики. Это становится интереснее.

Сверху раздался шёпот Кевина:

– Здесь! Оно шептало прямо отсюда!

Он указал на корни ели. Под деревом темнело углубление – будто кто-то долго стоял или копался.

Боб нахмурился и подошёл ближе.

Под деревом действительно виднелось углубление – будто кто-то копался там или стоял очень долго.

Он наклонился, понюхал воздух и сказал:

– Пахнет... чем-то сладким.

Шерман смущённо потупился:

– Варенье. Малиновое. Я вчера пробежал тут... ну и... –

Шерман тяжело вздохнул. – пролил немного...

Лёгкий ветер прошелестел листвой. Кевин вздрогнул, прижался к стволу.

– Вот именно так все и было! – прошептал он. – Сначала тихо, потом ветер... а потом – БАХ!

– Что? – воскликнул Шерман. – грохот?

– Нет! – сказал Кевин очень тихо и зловеще добавил. – шепот!

Боб поднялся, отряхивая колени.

– Значит, оно стояло здесь. Прямо под твоим деревом.

– И шептало! – напомнил Кевин.

Сиквик записал в блокнот:

«Обнаружены следы: форма неопределённая, глубина подозрительная, происхождение – неизвестное. Состояние участников похода: воодушевлённое».

– Спасибо, – сказал Боб, заглянув в записную книжку Сиквика. – Теперь у нас есть что-то научное.

Боб повернулся к Шерману:

– Ты говорил про варенье?

Шерман смущённо потупился:

– Варенье? Малиновое. Я вчера здесь немного пролил...

Боб опёрся на приклад и долго смотрел на землю под елью. После долгих раздумий, Боб начал говорить:

– Хм... интересно. Возможно, чупакабра, любит сладкое. Это дает нам понимание того чем она питается. Хотя, может, она просто пришла посмотреть, кто ест варенье?

– Или кто его роняет, – многозначительно заметил Сиквик.

Боб с важным видом поправил кепку и решительно сказал:

– Как бы то ни было, мы его найдём. – он посмотрел на Сиквика и добавил. – Для науки конечно же!

Агнесс вздохнула, но в уголках её губ мелькнула улыбка.

– Хорошо. Только помните: если в лесу кто-то шепчет – это не всегда враг. Иногда это просто тот, кто хочет, чтобы его услышали.

Боб кивнул.

– Тогда послушаем. Но на всякий случай – с безопасного расстояния. А пока посмотрим куда нас приведёт этот след.

Боб решительно двинулся по следу, тянувшемуся вдоль тропы. Та петляла между высокими елями; солнце пробивалось сквозь ветви узкими золотыми полосами. Воздух уже начинал прогреваться, но всё ещё пах росой и корой. И от этого создавалось такое ощущение загадки, что даже Кевин, обычно разговорчивый, сейчас молчал, прислушиваясь к каждому шороху

Боб шёл впереди, держа ружьё через плечо, и время от времени останавливался, чтобы более внимательно рассмотреть след на земле. Сначала следы были чёткими – вдавленные в мягкий мох, росший по краям тропы. Но потом становились всё реже, нервнее и всё бледнее, будто кто-то нарочно шёл мягче, стараясь не оставить ни намёка на свое присутствие. А потом, следы вдруг просто исчезли, будто существо, которое их оставило, растворилось в воздухе.

– Всё, – сказал Боб, внимательно осмотрев землю у последнего отпечатка. – Следы обрываются здесь. Как будто она взяла и... улетела.

– А может, не улетела? – предположил Сиквик, разгляды-

вая последний намек на след. – Может она стала невидимой!

Любопытство Кевина победило его страх и он спрыгнул с ветки, подбежал к последним следам. Несколько раз обежал вокруг них и заявил:

– А может она всё ещё здесь, просто не хочет, чтобы мы ее видели!

И тут, из-за поворота тропы, раздался хруст веток и ровный шаг – не быстрый, не пугающий, но уверенный.

Ружьё в руках Боба чуть дрогнуло. Кевин молнией взмыл на ближайшую сосну, хвост стоял дыбом.

– Кто идёт?! – громко крикнул Боб.

– Тот, кто старается на вас не наступить, – раздался спокойный голос.

Из кустов вышел высокий, широкоплечий мужчина в зелёной куртке. На поясе у него висел топорик с отполированной ручкой, сапоги были неожиданно чистыми. Он шёл без спешки, будто заранее знал, куда ставить ногу.

– Питер! – воскликнул Боб, расплываясь в улыбке. – А я думал, ты где-то у реки! Ты же собирался помогать бобрам с плотиной.

Питер был высокий, крепкий мужчина лет сорока с небольшим. У него загорелое лицо, с лёгкими морщинками вокруг глаз – от ветра и солнца. Глаза серо-зелёные, спокойные, цепкие. Питер замечает малейшие движения вокруг, улавливает каждую деталь. Его борода всегда аккуратно подстрижена, чуть темнее волос, в которых виднеются первые

серебристые нити. Она придаёт ему вид надёжного человека, которому можно доверить и тайну, и починить сломанный забор. Когда Питер улыбается – он делает это глазами и уголками губ, едва заметно. Все его движения неторопливы, но точны. Вы никогда не увидите Питера суевающимся или спешащим куда-нибудь. Он никогда не спотыкается, не роняет вещей и не ломает сучьев зря. Питер обладал редкой манерой ступать так, будто он заранее знает, где лежит каждая ветка под ногами. В глазах у него светилось то тёплое спокойствие, от которого сразу становилось немного неловко.

Питер прожил в лесу почти всю жизнь. Его отец был лесником, и сам Питер вырос среди сосен, ручьёв и костров. Он знал здесь каждую тропу, каждый камень и каждое гнездо. Когда-то он уехал учиться в город, но быстро понял, что бетон шумит не так, как ветер в хвое, – и вернулся обратно.

– Я и был у реки, – ответил лесник, улыбаясь в ответ. – Пока не услышал, что по лесу кто-то ходит с ружьём, половником и белкой на дереве.

Питер усмехнулся, подошёл ближе и хлопнул Боба по плечу.

– Ну и что вы тут творите, старина? Снова за чудищами гоняешься?

Боб поправил кепку «ОХОТНИК ГОДА» и гордо сказал:

– Не “за чудищами”, а за чупакаброй. Есть основания полагать, что она ходила ночью по нашему лесу.

Питер приподнял бровь.

– Основания, говоришь?

– Да. – сказал Боб серьёзно. – Похоже она настроена миролюбиво. Судя по всему она пришла на запах сладкого.

Питер кивнул, не смеясь. У него особое чувство юмора: сухое, незаметное, но меткое. Иногда он говорит фразу так спокойно, что только через минуту доходит, что это была шутка. Иногда – наоборот: вроде говорит серьёзно, а все смеются, думая, что это шутка. И Питер никогда не объясняет, где правда, где шутка.

– Если пришла на варенье, значит, у неё вкус получше, чем у половины здешних охотников.

Питер опустился на корточки около следа и долго его разглядывал. Он провёл рукой по земле рядом с последним видимым отпечатком на земле, потом подобрал маленькую палочку и тщательно померил вмятины. Пошагал возле следов и своими шагами померял расстояние между следами. Потом опять наклонился к самой земле и понюхал след.

– Хм... – протянул он. – След странный. Не олень. Не волк.

Он выпрямился, нахмурился, подбирая слова.

– И пахнет... не как зверь.

Боб оживился и не дав Питеру продолжить, сказал:

– Вот! Я же говорил! Ты тоже чувствуешь!

– Чувствую, – сказал Питер. – И ещё чувствую, что если чупакабра и правда где-то тут, мне стоит знать, где она.

Питер ещё раз обошёл последний заметный след, помол-

чал и сказал:

– Я иду с вами, – Питер посмотрел на Боба и усмехнувшись добавил. – пока она всех зайцев по округе не распугала.

Боб расплылся в улыбке.

– Вот это здорово! Отлично, дружище!

Сиквик закрыл блокнот и поднял глаза:

– Отлично. В группе наконец-то появился человек, который отличает следы кролика от собственных.

Боб посмотрел на Сиквика и обиженно выдал:

– Да это было всего один раз! И то в темноте...

Агнесс подошла ближе, и чуть наклонила голову.

– Это мудрое решение, Питер. Лес сегодня... необычный.

Лишняя пара глаз – вернее, глаз, которые знают, куда смотреть – нам очень пригодятся.

Питер тихо улыбнулся.

– А я думал, ты скажешь “лишний фактор для сдерживания Боба”.

– И это тоже! – ответила Агнесс. Совенок на ее плече открыл один глаз и ухнул в одобрение.

Боб насупился:

– Эй! Я всегда действую разумно.

– Ну да. Именно поэтому я и иду с вами, – ответил Питер, таким тоном, что никто не понял – это шутка или нет. Питер посмотрел на Боба, – Итак, куда вы шли?

Боб уверенно указал вперед:

– По тропе. Следы тянулись сюда, до того как начали ис-

чезать. Мы думаем, что чупакабра пошла вглубь.

Он обернулся к Питеру:

– Проверим?

И, не дожидаясь ответа, Боб зашагал по тропе. Шёл ровно, уверенно. В его походке появилось что-то новое – не азарт, а спокойная решимость. Лес ответил тихим шёпотом листвы, как будто сам лес слегка вздохнул от облегчения – наконец кто-то идёт правильно. Питер шел рядом. Сиквик и Шерман – чуть позади. Кевин быстро взобрался на ветки и побежал вперёд. Теперь иногда сверху доносился скрип сучьев, шорох хвоста и его бодрые доклады:

– Всё чисто! Только сова смотрит подозрительно!

Агнесс замыкала шествие, легко касаясь пальцами коры деревьев, словно проверяя пульс леса.

Тропа сужалась и зарастала. Лес вокруг был старый, густой, но не мрачный – зрелый и уверенный в себе. Высокие ели стояли по краям, как молчаливые стражи. Их ветви переплетались так плотно, что солнечный свет пробивался редкими золотыми нитями. В них кружилась пыльца – тихие искры невидимого костра.

В воздухе пахло хвойной смолой, влажной землёй и той особой свежестью, которая бывает только в глубине леса. Хоть в лесу и раздавались разные звуки, такие как поскрипывание веток, редкий крик сойки, но все эти звуки были мягкими, не заглушающими ощущения тишины. Такой особой тишины густого леса, где так тихо, что начинаешь слы-

шать собственные мысли. Между стволами то вспыхивали светлые просветы, то сгущались тени, в которых мерещилось движение. Лес напоминал уверенного в себе кота лежащего в своём кресле и неспешно рассматривающего всех проходящих мимо.

Друзья переговаривались вполголоса, почти шёпотом. Тропа, давно протоптанная и людьми, и зверьём извивалась узкой лентой – по ней можно было идти только по одному. По краям тропы рос мох – мягкий, густой, словно зелёное одеяло, которое застилало корни и скрывало камни. Местами мох был примят, и именно там Боб каждый раз останавливался, наклонялся и задумчиво трогал землю и показывал это Питеру. Они обсуждали что то вполголоса, а потом продолжали идти по тропе.

Лес молчал.

Кевин прыгал по веткам прямо над тропой – его лапки почти бесшумно перебирали кору.

Сиквик и Шерман шли за Бобом и Питером, переглядываясь и перешёптываясь, будто боялись говорить громче, чем позволял лес.

Агнесс шла последней. Шла она почти беззвучно, как тень. Её шаги были лёгкими, размеренными, как будто она знала каждое дерево на этой тропе ещё с того момента, когда оно было маленьким ростком. Порой она чуть замедлялась, проводя пальцами по коре елей или наклоняясь к траве. Кажалось, что она читает лес так, как другие читают письмо:

осторожно, уважительно, вдумчиво.

Солнечные лучи, прорвавшиеся сквозь ветви, ложились на её волосы мягкими пятнами света – и казалось, что лес сам выделяет её среди других, словно узнаёт старого друга. Порой Агнесс закрывала глаза на секунду – не чтобы слушать звуки, а чтобы уловить то, что между ними: сдвиг ветра, неожиданную прохладу, едва заметный вздох листвы. Она не боялась. Именно это отличало её от всех: где остальные настораживались, Агнесс словно мягко приветствовала всё вокруг.

Совёнок Нур сидел у неё на плече, непрерывно вращая головой, отслеживая каждый шорох: папоротник, треск веточки, полёт жука. Иногда он выпускал короткое, почти неслышимое “хух”, будто предупреждал Агнесс о том, что впереди что-то изменилось. Агнесс всякий раз едва заметно улыбалась и кивала – будто знала заранее, но благодарила.

Лес постепенно редел, и впереди стало слышно журчание воды. Тропа сворачивала между двух широких сосен и выводила на небольшую полянку, где солнце лежало золотым ковром.

Компания вышла к ручью и старому мосту. Мост был низкий, деревянный, почти весь покрытый мхом – таким густым, что доски выглядели зелёными. Перила были кривые, в одном месте подпертые сучком, в другом месте перевязанные старой верёвкой.

Под мостом быстро и чисто бежал ручей. Вода была такой

прозрачной, что каждый камень на дне был виден, словно на ладони. По берегам колыхались высокие травы. Над водой кружили стрекозы – изумрудные и голубые, как живые драгоценности. Иногда лягушка выпрыгивала на камень – и тут же с тихим шлёпком исчезала обратно в воде.

Друзья остановились перед мостом. Боб оглядел перила моста, почесал подбородок и спросил задумчиво:

– Интересно, а чупакабра прошла по мосту или ... ну... взяла и перепрыгнула?

Сиквик задумчиво хмыкнул, открывая блокнот:

– Теоретически она могла совершить прыжок. Если её длина ноги превышает... эм... – Сиквик задумался. достал из своей сумки линейку. повертел ее в лапах и убрал обратно. – Впрочем, бессмысленно. Мы же ничего о ней не знаем.

Шерман подошёл к ручью и наклонился.

– А если у неё плавники?

Кевин подпрыгнул от возмущения:

– У чупакабры не бывает плавников! – и тут же неуверенно добавил, глянув на Агнесс: – ...или бывает?

В этот момент за их спинами раздались шаги.

Тяжёлые. Спокойные. Не угрожающие – скорее такие, будто кто-то идёт проверить, всё ли в его лесу на своих местах.

Друзья обернулись. По тропе неспешно подходил медведь Бертрам. Это был самый обычный бурый медведь, чуть круглый, чуть лохматый, с добродушной мордой и слегка сонным

взглядом, как у того, кому мешают раздумывать о важных медвежьих делах. У него были удивительные глаза: спокойные, золотистые и внимательные. Бертрам не любил суету и избегал лишнего драматизма. Он мог смотреть на происходящее долго, терпеливо, будто дожидаясь момента, когда все остальные наконец закончат суетиться и сформулируют мысль яснее.

Он подошёл не спеша, сел у моста – просто так, будто всегда тут сидел.

– Доброе утро, Бертрам, – первым поздоровался Питер.

Бертрам медленно моргнул и флегматично ответил коротким, низким звуком, который у него заменял “ну здравствуйте”.

Боб оживился:

– Бертрам привет! Мы как раз решаем: могла ли чупакабра перепрыгнуть этот ручей?

Бертрам посмотрел на Боба.

Потом – на мост.

Потом – на ручей.

Через пару секунд он хмыкнул.

– Чупа... что?

Сиквик пояснил:

– Это такое ночное существо, приходящее на запах варенья и пугающее белок. Возможно. Предположительно. Не доказано.

Кевин, который к тому моменту уже спустился с веток,

тут же добавил:

– Я слышал ее шаги! И шёпот! Очень жуткий шепот!

Бертрам посмотрел на Кевина с выражением животного, которое многое повидало и не впечатляется ночными шорохами. Затем он глубоко вздохнул и сказал своим привычным, лениво-философским тоном:

– Что-то не верю я в вашу чупакабру.

Боб уставился на него:

– Как это – не веришь? Шерман ее видел, Кевин слышал. Мы с Питером нашли ее следы!

Бертрам перевёл взгляд на ручей, потом обратно на Боба.

– Если бы в лесу был такой зверь... – он сделал паузу, чтобы почесать за ухом лапой, – ...я бы о нем уже знал.

Сиквик сразу заинтересовался сказанным Бертрамом. Он достал блокнот, карандаш и наклонился, готовый записывать:

– Почему?

Бертрам ответил очень серьёзно, даже немного обиженно, словно ему приходится повторять всем известную научную истину:

– Потому что ни один зверь не пройдёт мимо мёда.

Он указал лапой за мост.

На пеньке стояла миска. Широкая, глиняная. С застывшими каплями мёда по краям. Чуть присыпанная иголками. Полная. И нетронутая.

Бертрам дал всем время это осознать.

– А эта миска стояла тут всю ночь.

Шерман ахнул, Боб смешался, Сиквик задумался так серьёзно, что даже опустил блокнот. Агнесс чуть улыбнулась, понимая, что спорить с медведем на тему меда бессмысленно.

Бертрам показал лапой на миску и добавил:

– Так что... если ваша чупакабра тут была и мёд не тронула... – Он медленно обвел всех взглядом, – ...значит, её нет.

Бертрам поднялся и неторопливо пошёл к воде, чтобы напиться, продолжая бормотать себе под нос:

– Шорохи... шаги... чупа-чупа... сказки для белок...

Друзья ещё некоторое время стояли у моста, глядя то на следы, то на миску с нетронутым мёдом, то на Бертрама, который вёл себя так, будто только что провёл серьёзное научное исследование и остался им вполне доволен.

Питер первым прервал тишину. Он оглядел тропу за спиной, мост и ручей.

– Нам надо решить, куда дальше. Если следы исчезли... значит, надо искать новые.

Агнесс мягко кивнула, поглаживая совёнка.

– Есть старая тропа вдоль ручья. Там влажно, мох мягче – любые следы будут заметнее.

Сиквик раскрыл блокнот, перелистал страницы, сверился с компасом, подбросил в воздух несколько сосновых иголок, чтобы определить направление ветра и решительно заявил:

– Предлагаю идти туда, куда сказала Агнесс. Это наибо-

лее логичное направление перемещения существа, если оно избегает воды.

Кевин тут же поднял лапку:

– А если оно не избегает?

Никто не ответил.

Боб поправил свою счастливую кепку и уверенно сказал:

– Решено! Идём вдоль ручья! Чупакабра не может исчезнуть просто так.

Бертрам тихо фыркнул.

Он поднялся на лапы, стряхнул капельки воды с морды и произнёс своим спокойным, медвежьим голосом:

– Ну... если вам так нужно, ищите. Но чупакабры здесь нет. Мёд бы она тронула.

Питер улыбнулся.

– Спасибо, Бертрам. Всё равно хорошо, что мы тебя встретили.

– Мы были рады тебя видеть! – добавил Шерман. – Даже если ты... ну... не веришь в чупакабру.

Кевин важно добавил:

– А я всё равно слышал шёпот!

Бертрам посмотрел на Кевина так, как смотрят взрослые на ребёнка. Потом он перевёл взгляд на всю компанию и сказал:

– Если вы вдруг всё-таки найдёте эту вашу чупакабру... – он сделал паузу, – ...неприменно расскажите.

И слегка наклонив голову, добавил:

– Люблю быть в курсе событий. Даже тех, в которые не верю.

Он развернулся и медленно побрёл в сторону заповедника. А Боб и его друзья перешли ручей и пошли вдоль воды – по старой, почти забытой тропе.

Друзья шли вдоль ручья. Он то подбирался к тропе, выплёскиваясь на камни, то снова уходил в заросли, прячась среди трав. Вода тихо журчала, будто шла рядом с ними и время от времени заглядывала – всё ли в порядке. Время от времени Боб останавливался, чтобы проверить подозрительное место. Он всматривался в каждый намек на возможный след. Питер шёл рядом – спокойно, наслаждаясь солнечным днём и хорошей компанией. Шерман пытался чуть позади, стараясь не отстать и периодически проверяя, не вывалилось ли что-нибудь из его сумки.

Агнесс ступала тихо, будто тень, а её совёнок всматривался во всё, что шевелилось.

Сиквик шёл перед Шерманом, заглядывая под каждый куст. Его хвост иногда нервно подрагивал, но глаза сияли деловым интересом. Через полчаса неспешного пути он внезапно остановился и поднял лапку, как дирижёр, требующий тишины. Никто не понял почему – вокруг было спокойно..

Он обогнал всех, развернулся, ткнул лапкой в свой живот и заявил:

– Друзья, я официально вынужден сообщить чрезвычайно важный факт.

– Какой? – удивлённо спросил Боб.

– Я голоден.

Шерман вздохнул:

– Но мы же недавно завтракали!

– Это был первый завтрак, – важно уточнил Сиквик. – А сейчас время второго.

Он выдержал паузу и добавил:

– Без второго завтрак первый не считается завершённым.

Это же очевидно!

Боб огляделся – привал был как раз кстати. Полянка оказалась удачной: густой, мягкий мох стелился под ногами, словно великан расстелил зелёный ковёр, а в центре стоял широкий пенёк – старый, ровный, будто нарочно оставленный для лесного стола. Идеальное место для второго завтрака.

– Ну... место вроде хорошее. Тут и мох мягкий и пенёк удобный. И ручей рядом.

Кевин спрыгнул с ветки на лежащее бревнышко:

– И сверху всё отлично видно! Могу караулить! Как настоящий разведчик!

– Караулить ты будешь здесь, – заметил Сиквик, – сидя и жуя орешки.

Питер, оглянувшись, спокойно сказал:

– Место действительно подходящее. Если и делать привал – то тут.

Агнесс только улыбнулась.

Они устроились. Боб снял рюкзак, расстелил на пне по-

лотенце, превратив его в стол. Из рюкзака появился хлеб в шуршащем пакете – Боб разломил буханку, и запах свежей корочки сразу наполнил поляну. Подошёл Шерман и осторожно, двумя лапками, как драгоценность, поставил на скатерть свою банку клубничного варенья. Сиквик поставил рядом термос и маленькую металлическую кружку.

– Кофе, – произнёс он торжественно. – Для ясности ума и чёткости рассуждений.

Он открыл термос и термос так громко фыркнул крышкой, что Кевин, испугавшись, вскочил на ноги и бросился к дереву.

– Спокойно, Кевин! Это всего лишь кофе. – сказал Сиквик. – Экспедиция без кофе это всего лишь прогулка.

Улыбнувшись очередной мудрости от Сиквика, Питер добавил к общему столу маленький свёрток с сухими лепёшками и идеально нарезанным сыром – так ровно, будто его резали по линейке.

Агнесс принесла несколько листьев щавеля – нашла их неподалёку – и положила на край полотенца. Агнесс вообще редко носила с собой что либо из еды или питья. Все что ей надо было она моментально находила около себя. Совёнок на её плече слегка встрепенулся, похоже он тоже был не прочь перекусить.

Когда хлеб был разломан, варенье открыто, а кофе разлит по кружкам, все постепенно принялись за еду – или, как настаивал Сиквик, начали "второзавтракать".

Боб с удовольствием жевал хлеб, намазанный вареньем так щедро, что было непонятно, то ли это бутерброд с вареньем, то ли это варенье с хлебом. Питер степенно ломал свою лепёшку, медленно жуя и казалось, наслаждаясь каждым кусочком этой незамысловатой еды. Шерман непринуждённо болтал о чем то с Кевином, прихлёбывая кофе из чашки. Совёнок делал вид, что вовсе не смотрит на варенье, хотя смотрел на него очень внимательно.

Именно в этот момент Сиквик поставил кружку на «стол» и решительно встал. Его хвост поднялся вертикально – безошибочный знак важных размышлений.

– Друзья, – начал он торжественно, не дожидаясь чьего-либо разрешения. – Пока вы были заняты жеванием, я обдумал вопрос природы чупакабры.

Все взгляды обратились на Сиквика. Шерман застыл с ложкой варенья на полпути ко рту.

– Мы ищем не зверя, – Сиквик поднял лапу. – Не животное, в привычном смысле. По моим расчётам, чупакабра – это концентрация страхов, надежд и слухов, собранных вместе. Существо-феномен. Как фата-моргана... только физическая.

Он на секунду задумался:

– Люди боятся неизвестного. Еноты – темноты.

Сиквик посмотрел на Шермана. Тот поспешно закивал и доел варенье.

– Белки боятся шорохов. – продолжал Сиквик, – Если всё

это собрать в одну точку, и дать этим страхам форму... – он сделал паузу, поворачивая лапой, как будто мастера что-то, – получится чупакабра.

Агнесс тихо улыбнулась. Совёнок посмотрел на Сиквика с явным уважением.

– Но! – Сиквик назидательно поднял палец. – Поскольку страхи и надежды имеют привычку принимать форму того, что мы ожидаем... Чупакабра может выглядеть по-разному для каждого. Это объясняет всё.

После этого заявления Кевин захлопал в ладоши, Питер же тихо, почти одобрительно хмыкнул.

Сиквик поклонился, снова сел на свой пенёк и сделал глоток кофе.

– Собственно, – заключил он важно, – наука сказала своё слово.

Сиквик допивал кофе и с видимым удовлетворением оглядывал слушателей, ожидая – если не аплодисментов, то хотя бы бурного обсуждения.

Ничего не произошло.

Все покивали и все.

Боб спокойно доел хлеб, тщательно стряхнул крошки с ладоней и занялся рюкзаком, убирая полотенце и нож. Питер аккуратно свернул оставшиеся лепёшки, проверил, чтобы ничего не высыпалось, и спрятал свёрток. Шерман закрутил крышку варенья и с облегчением прижал банку к груди.

– Ладно, – сказал Боб поднимаясь и подтягивая ляжки

рюкзака. – Пойдем, пожалуй дальше.

Питер уже встал и смотрел на тропу, уходящую вдоль ручья.

– Я думаю надо идти выше по течению. Там почва мягче, следы не так быстро исчезают.

Сиквик понял, что никто из его друзей особо не впечатлился его теорией физической фата-морганы, тяжело вздохнул и тоже поднялся.

Боб поправил свою счастливую кепку, постоял секунду, прислушиваясь к лесу, потом уверенно шагнул на тропу. Питер сразу двинулся рядом, оценивая путь вперёд.

Агнесс шла чуть позади, тихо, почти не задевая траву. Совёнок на её плече время от времени вертел головой, словно отмечая что-то только ему видимое. Шерман торопливо пристроился за Бобом.

Кевин прыгал сверху, перебираясь с ветки на ветку.

А Сиквик...

Сиквик начал говорить.

Он заговорил с первого же шага, будто привал был всего лишь короткой паузой, чтобы перевести дыхание. Он рассказывал о далёких местах, где бывал: о песчаных холмах, которые медленно ползут сами по себе; о болотах, где отражение убегает быстрее, чем ты успеешь моргнуть; о существах, похожих на чупакабру, но, как он уточнил, «совершенно иного философского склада».

– ...и тогда я понял, – продолжал он, вышагивая впер-

ди, – что опасность не всегда зубастая.

Боб шёл рядом и кивал, погружённый в собственные мысли, поэтому иногда кивал невпопад. Шерман слушал искренне, пару раз задавал вопросы – и тут же забывал, что именно хотел спросить.

Тропа сделала плавный изгиб и на мгновение скрылась за плотной стеной орешника. Ручей остался позади, его журчание стало тише. Под ногами друзей захрустела сухая хвоя, а воздух наполнился сладковатым запахом спелых ягод и... чем-то ещё. Чем то сладким и напоминающим выпечку. Шерман остановился и начал принюхиваться. Боб же шагнул за поворот.

А там, чуть в стороне от тропы, на небольшой прогалине, стояла лиса. Она стояла так, будто ждала именно их. Лапы были упёрты в бока, хвост нервно подрагивал, а рыжая шерсть слегка растрёпана, будто хозяйка только что металась по поляне в поисках виноватого.

Рядом, на плоском камне, лежала салфетка. На салфетки можно было заметить множество свежих крошек.

Лиса резко повернула голову и прищурилась.

– Ага, – сказала она, – Боб. Наконец-то.

Друзья вышли из-за изгиба один за другим.

Лиса подошла ближе к Бобу, энергично размахивая хвостом.

– Ты не поверишь, что тут случилось, – заявила она, даже и не подумав поздороваться. – Мой завтрак пропал.

– Привет, Лиза. – сказал Боб, улыбаясь во весь рот.

Это была Лиза. Лиза была лисой, которую невозможно было спутать ни с кем другим. Не из-за окраса, ведь рыжих в лесу хватало, а из-за того, кем она была и как себя вела.

Лиза всегда выглядела так, будто только что закончила долгий разговор с самой собой – и осталась им довольна. Её шерсть была ухоженной, лежала волнами, подчёркивая естественную красоту. На солнце она отливала медью и янтарём, особенно на хвосте, который Лиза носила как главный элемент образа: слегка изогнутый, пушистый, живущий своей отдельной жизнью.

Двигалась она резко и точно, будто каждая мысль сразу превращалась в действие: шаг, жест, поворот головы. Это была не суетливость, а мгновенная реакция – быстрая, искрящаяся, как вспышка спички. Лиза все схватывала на лету, замечала детали и делала выводы быстрее, чем большинство успевало задать вопрос.

С другими обитателями леса Лиза ладила по-разному. Её уважали за ум и смелость. Её опасались за язык и склонность к резким выводам. Её любили за искренность, ведь Лиза не умела притворяться. Если она сердилась – это было видно сразу. Если радовалась – весь лес знал об этом через пять минут.

Лиза только кивнула на приветствие Боба, вернулась к своему импровизированному столу и начала ходить вокруг него.

– Я только отвернулась! Буквально на секунду! И тут – хоп! – и всё!

Солнечный луч скользнул по её голове и заиграл в маленьких серёжках в ушах. С первого взгляда было ясно, что Лиза никогда не одевалась случайно. То, что сначала выглядело небрежным набором деталей, при внимательном взгляде складывалось в цельный образ. Пёстрый шарф на шее был завязан сложным, только ей понятным узлом, на лапах поблёскивали браслеты из ниток, бусин и тонких металлических колец, а в хвосте виднелась ленточка – такая же продуманная, как и всё остальное. Потёртая сумка через плечо с подвешенными талисманами и лоскутками ткани выглядела не украшением, а продолжением её самой. Свободный, слегка небрежный стиль бохо подчёркивал характер Лизы – уверенный и чуть вызывающий.

Боб подошёл к камню с салфеткой и начал внимательно его осматривать. Сиквик, мгновенно забыв про свои рассказы, присоединился к Бобу и принялся изучать землю вокруг с деловым видом. Кевин спрыгнул ниже, чтобы лучше видеть, и настороженно приподнял уши.

– То есть кто-то стащил твой завтрак? – переспросил Боб. – Весь?

– До крошки! – возмущённо сказала Лиза и мотнула головой. – Я почти начала завтракать. А потом кто-то решил, что мой завтрак это общественное достояние.

И пока она говорила, солнце пробилось сквозь ветви и

осветило её голову сбоку.

Агнесс заметила первой...

За левым ухом лисы торчал кусок пирога. Золотистый, аккуратный, абсолютно целый. Совёнок тихо ухнул.

Лиза, продолжая жаловаться, этого не замечала:

– Я только отвернулась! Всего на секунду! А он – хватать!

И всё!

Боб не видя пирога за ухом спросил:

– А кто он? Ты его видела?

– Нет, – фыркнула Лиза. – Чупакабра какая-то!

– Ага! – восторженно воскликнул Сиквик и многозначительно поднял указательный палец вверх. – Опять чупакабра!

Питер, тоже заметивший пирог за ухом Лизы, кашлянул.

– Лиза, – мягко сказал он, – а это что у тебя за ухом?

Лиса замерла. Медленно потянулась лапой. Наткнулась на пирог.

Ни один мускул на её морде не дрогнул.

– ...Это не считается, – сказала она после паузы. – Это был контрольный кусок.

Лиза фыркнула и сунула пирог в сумку.

– Неважно, – добавила она уже спокойнее. – Кто-то тут ходит. Шуршит и портит настроение. И не как обычно.

Агнесс согласно кивнула головой.

– Мы тоже это заметили.

Они задержались ещё ненадолго, чтобы убедиться, что с

Лизой всё в порядке и её возмущение окончательно сменилось хорошим настроением. Она уже уселась около плоского камня у тропы, расправила салфетку и, с почти торжественным видом, положила на нее тот самый «запасной» кусок пирога.

– Ну, удачи вам, – сказала Лиза, не поднимая головы, но вполне доброжелательно. – Если встретите того, кто любит чужие завтраки, передайте: он у меня в списке.

Боб улыбнулся и кивнул, поправляя кепку. Питер пожелал ей спокойного утра, Шерман помахал лапой, а Сиквик что-то пробормотал про «важное гастрономическое свидетельство» и записал что-то в свой блокнот. Лиза же на все это только фыркнула.

Друзья двинулись дальше по тропе, а Лиза осталась на прогалине одна, под мягким солнечным светом. Она неторопливо откусила пирог, посмотрела им вслед и задумчиво сказала себе под нос:

– Всё-таки странный у меня сегодня завтрак... но неплохой. Точно неплохой.

Тропа вскоре снова сузилась. Под ногами стало мягко, влажно. Лес словно притих – не умолк, а будто бы начал прислушиваться. Боб шёл первым и вдруг замедлил шаг. Потом остановился совсем.

Он присел у края тропы. На тёмной, сырой земле виднелись следы – не чёткие, не уверенные, будто тот, кто их оставил, ступал осторожно, как бы пробуя почву. Отпечатки бы-

ли странной формы. Боб присел, всматриваясь внимательно-нее... и в тот же миг следы исчезли. Не размазались, не расплылись. Просто стали обычной землёй: кочками, тенями, игрой света между корнями.

– Хм, – пробормотал он и отвёл взгляд.

Следы вернулись.

Он замер, медленно снял кепку и тихо позвал:

– Питер, – тихо позвал он. – Ты это видишь?

Питер подошёл, спокойно посмотрел туда, куда указывал Боб.

– Ничего необычного, – сказал он ровно. – Земля как земля.

– А теперь? – спросил Боб, не поднимая головы.

Питер посмотрел снова – и замер.

– Так... теперь вижу.

Он выпрямился, нахмурился, снова посмотрел – следов не было. Питер медленно кивнул, будто получил подтверждение старой догадки, о которой никогда не говорил вслух.

Сиквик уже был тут как тут. Он почти подпрыгивал от возбуждения, глядя то на землю, то на лица друзей.

– О, о! – протянул он с неподдельным восторгом. – Это многое объясняет.

– Что именно это объясняет? – спросил Боб, не отрывая взгляда от земли.

– Это объясняет многое, – сказал Сиквик. – Даже слишком многое.

Он прошёлся вдоль тропы, размахивая лапками.

– Наблюдатель влияет на результат. Классический эффект. Вы смотрите – и следов нет. Вы не смотрите – и они есть. Это не просто следы. Это следы в суперпозиции или в состоянии неопределённости.

Питер скрестил руки.

– Ты сейчас серьёзно или как обычно?

– Я всегда серьёзно, – немного обидившись ответил Сиквик. – Мы видим явное проявление квантовой запутанности! Следы запутаны с нашим вниманием. Пока мы на них не смотрим они существуют. Как только начинаем смотреть... – он щёлкнул пальцами, – они схлопываются.

Боб медленно поднялся.

– То есть... если я правильно понял, – сказал он, – чу-пакабра оставляет следы, которые стесняются, когда на них смотрят?

– Примерно, – кивнул Сиквик. – Очень воспитанная чу-пакабра.

На несколько секунд никто не сказал ни слова.

Лес тихо вздохнул листвой.

И впервые за всё утро у Боба появилось отчётливое ощущение, что они идут не просто по следу – а за чем-то, что уже знает, что за ним идут.

Боб надел кепку и усмехнулся.

– Что ж, – сказал он. – Если следы ведут себя странно, значит, их оставило странное существо. А значит, мы идём

правильно.

Боб сделал ещё несколько шагов и вдруг резко остановился. Не из-за следов – они как раз исчезли, будто обиделись на внимание. Из-за движения. В кустах, ниже по склону, что-то мелькнуло. Не тень, и не птица. Слишком тяжёлое для ветра и слишком быстрое для случайности.

Боб вскинул руку и все замерли, интуитивно почувствовав, что что-то начинается.

Кусты снова дрогнули.

– Там, – коротко сказал Боб, указав рукой на кусты и уже в следующий миг сорвался с тропы.

Ветки захлестали по его рубашке, под ногами хрустели сухие стебли и корни. Он бежал на звук и на движение. Позади слышались ровные, уверенные шаги Питера. Агнесс скользила между деревьями почти беззвучно, будто лес сам раздвигался перед ней. Совёнок Нур вцепился в её плечо. Кевин перескакивал с ветки на ветку наверху. Даже Сиквик, встав на четыре лапы бежал за всеми, тяжело дыша, бормоча что-то про «вероятностные траектории».

Кусты внезапно расступились.

Они вывалились на небольшую, вытоптанную площадку, спрятанную между старыми деревьями, и резко остановились.

Здесь всё было не так.

Трава примята. Мох содран. Ветки не сломаны, а аккуратно отложены в сторону, словно кто-то расчистил место –

без спешки, без паники. Воздух здесь был густым и тёплым, пахло сырой землёй, прелыми листьями и чем-то сладковатым, знакомым – почти как варенье, но с лесной горчинкой. В центре площадки темнело углубление, выстланное сухой травой, мхом и клочками шерсти неизвестного происхождения.

Питер подошёл первым. Присел, провёл ладонью по мху, проверяя насколько он влажный, взял клочок шерсти, понюхал.

– Стоянка, – сказал он спокойно. – Причем недавняя Мох еще влажный и даже не успел остыть.

Сиквик носился по краю площадки, будто боялся упустить хоть что-то.

– Обратите внимание на отсутствие хаотичных следов! – возбуждённо начал он, – Это говорит либо о высокой организации, либо...

– Либо о том, что нам всем лучше быть осторожнее, – перебил его Боб.

Кевин вдруг замер на ветке и тихо пискнул, указывая хвостом в сторону. Там, под корнями старого дерева блеснула жестяная крышка. Потёртая. Узнаваемая. Точно такая же, как у банок с вареньем Шермана.

Шерман, только что подошедший на площадку, услышав это побледнел.

– Я... я одну такую вчера потерял...

Боб медленно выпрямился и оглядел место ещё раз.

– Похоже, – сказал он тихо, – мы нашли не просто следы. Мы нашли чей-то дом.

Лес вокруг затаился, будто слушал.

И тут, совсем рядом что-то снова мелькнуло. Не в кустах. Глубже. Между стволами.

Боб медленно поднял руку и приложил палец к губам. Вся компания замерла, боясь пошевелиться. Он указал вперёд, туда, где кустарник сгущался, переплетаясь в неровную стену. Между ветвей темнел узкий проход. Не тропа, а намёк на неё. Будто здесь часто проходили, но каждый раз по-разному, стараясь не оставить следа.

Боб жестами показал: "Двигаемся вперёд. Медленно. Тихо." Они двинулись вперёд почти бесшумно. Питер шёл первым, осторожно отводя ветки в сторону и тут же возвращая их на место. Агнесс двигалась следом, легко, почти не касаясь земли; совёнок на её плече притих, вытянув шею. Боб шёл чуть сбоку, внимательно глядя под ноги. Шерман старался наступать точно в след Боба, а Кевин перемещался сверху, перескакивая с ветки на ветку. Даже Сиквик притих и передвигался на цыпочках – редкий и тревожный знак.

Впереди раздался шорох – короткий, осторожный. Кто-то переместился. И замер. Все остановились одновременно. Тишина стала плотной, стеклянной, звенящей.

Боб наклонился вперёд, прислушиваясь.

И именно в этот момент под его ногой что-то предательски хрустнуло. Следом треск раздался сразу в нескольких

местах: под ногами Питера, Шермана, Сиквика. Маскировка из сухих веток и травы, тщательно уложенная поверх пустоты, не выдержала.

Земля ушла вниз.

Компания дружно ахнула и в следующее мгновение всё смешалось: ветки, сухая трава, обрывки листьев, короткие крики и удивлённое хлопанье крыльев. Они падали не долго, но достаточно, чтобы потерять ориентацию и надежду на достойную посадку. С глухим бух! все оказались внизу, вповалку, на мягком, пружинящем настиле из мха и прошлогодней листвы.

– Все целы? – после короткой паузы, глухо спросил Боб, осторожно шевеля плечами.

В ответ послышались разные звуки: кто-то икнул, кто-то зашевелился, Питер коротко буркнул что-то утвердительное.

Из-под чьего-то локтя донёсся голос Сиквика:

– Это была... яма? – уточнил он. – С маскировкой? Очень качественной, между прочим.

Агнесс уже поднялась. Будто падения и не было. Она спокойно отряхнула платье и огляделась. С первого взгляда было ясно: место не случайное. Стены подрыты ровно, дно заботливо выстлано мхом и сухой листвой. Ветки сверху уложены слишком аккуратно.

– Кто-то это сделал специально, – сказала она спокойно.

– Чупакабра, – тут же выпалил Кевин сверху, высунув

мордочку из пролома. – Я так и знал!

Сиквик, выбравшийся из под рюкзака Боба, кивнул с важным видом:

– Логично. Чупакабра – существо неизвестное, её повадки не изучены, ловушки от неё вполне возможны.

Кто-то кашлянул сбоку.

Все обернулись.

Шерман стоял чуть в стороне, сжав лапы перед собой и глядя куда-то вбок. Вид у него был такой, будто он только что вспомнил очень важную, но крайне неловкую деталь.

Шерман медленно поднял лапу.

– Ну... – начал он неуверенно. – Это... моя ловушка.

Тишина стала плотной.

– Твоя?, – переспросил Питер.

Шерман кивнул и виновато улыбнулся.

– Я вспомнил! Это для чупакабры.

Боб медленно повернул к нему голову.

– Ты поставил ловушку... – произнёс он, – и забыл про неё?

– Ну... я думал, она не работает, – честно ответил Шерман. – А потом закрутился. А потом завтрак. Потом мы пошли в поход.

Он развёл лапами, показывая яму.

– Ну что ж. Положительный момент. Она работает, – заметил Сиквик с уважением.

Некоторое время все молча смотрели вверх на аккуратно

замаскированный пролом, через который был виден кусочек голубого неба. Потом началось движение.

Боб первым попробовал выбраться. Он упёрся сапогом в стену, схватился за корень, подтянулся, почти дотянулся до края и тут же съехал обратно, подняв облако сухой листвы. Питер проверил грунт по всей яме, выбрал «правильное» место, сделал шаг наверх и... стена послушно осыпалась под его ногами.

Сиквик тут же оживился:

– Теоретически, если выстроить человеко-звериную пирамиду...

Он тут же достал свой блокнот и начал что-то прикидывать и рассчитывать.

Яма, казалось, терпеливо ждала решения.

Сверху послышался шорох и над краем показалась чья-то мордочка. Местный ёжик, с важным видом заглянул вниз.

– Надо было копать под углом, – заявил он. понимающим тоном. – Тогда бы вы сами вышли.

– Спасибо, – вежливо отозвался Боб. – Учтём в следующий раз.

Ёжик кивнул, довольный, и исчез.

Почти сразу на другом краю появилась пара заячьих ушей.

– Прыгайте! – бодро посоветовал заяц. – Но прыгайте с разбега. Точно заберётесь!

Шерман попробовал и упал на голову Сиквику.

После всей этой суеты все снова стояли внизу, среди мха и листьев, слегка уставшие. Яма не спешила отпускать, лес наблюдал, а над краем всё ещё мелькали любопытные морды.

Сиквик вздохнул:

– Это конечно очень интересный социальный эксперимент, ... но я всё-таки за выход.

Шерман виновато посмотрел вверх и вздохнул.

Агнесс во время всех этих бесплодных попыток стояла чуть в стороне, прислонившись к стенке ямы и наблюдая за происходящим со свойственным ей спокойствием. Она будто изучала задачу, а не участвовала в ней. Когда очередная попытка снизу и очередной совет сверху снова закончились ничем, она наконец заговорила.

– Мы в яме, – сказала она ровно, – а не в западне.

Все обернулись к ней.

– Яма не держит, – продолжила она, медленно оглядывая стены. – Она просто ждёт, когда из неё выйдут.

Она прошлась вдоль края, легко касаясь земли ладонью, проверяя её на ощупь.

– Стенки свежие, но не укреплённые. Дно мягкое. Мы не будем пытаться выбраться отсюда одним прыжком, – сказала Агнесс, – мы сделаем путь отсюда. Медленно. Шаг за шагом.

Боб кивнул, уже понимая, к чему она ведёт.

Питер выпрямился и внимательно посмотрел туда, куда она указывала.

Агнесс остановилась у одной из стен.

– Подкопаем здесь. Не глубоко, а ровно настолько, чтобы появился уклон. Потом немного его утрамбуем, чтобы не осыпалось. И выходим по очереди.

Несколько секунд все молчали. Потом Питер коротко кивнул.

– Рабочий план. Отличная мысль, Агнесс.

Шерман шумно выдохнул.

– Я буду копать, – сказал он. – Это будет... справедливо. Лес сверху зашуршал, будто прислушиваясь и одобряя план Агнесс.

А в яме началась тихая, сосредоточенная работа.

Работа велась без суеты, почти молча. Земля поддавалась охотно: мягкая, ещё не слежавшаяся, она легко отходила от стен, когда Шерман и Боб аккуратно подрывали её, а Сиквик и Питер утрамбовывали ее, делая что-то вроде ступенек около стены. Кевин носился сверху, периодически подавая ветки, которые служили временными упорами, и время от времени подбадривал всех просто своим присутствием.

Постепенно вдоль стенки образовались неровные ступени. Они выглядели грубовато и совсем не изящно, но держали надёжно. Боб полез первым. Он осторожно поднялся, упёрся ладонями, подтянулся и выбрался наружу. Сверху он тут же протянул руку.

Следом выбрался Шерман немного неловко, цепляясь за выступы, но с большим усердием.. За ним поднялся Сиквик, не умолкая ни на секунду и с явным удивлением отмечая,

как хорошо работает «старый добрый практический метод решения нестандартных задач». Питер выбрался уверенно и спокойно, словно выбирался из ямы, в которую попадал не в первый раз и уже точно знал, куда и когда ставить ногу.

Каждый, оказавшись наверху, сразу тянул следующего цепочка получилась надёжная, слаженная, без лишних слов.

В яме осталась Агнесс.

Она посмотрела вверх, оценила результат, легко поставила ногу на импровизированные ступеньки и вышла одним плавным движением, почти не касаясь рук тех, кто уже тянулся помочь. Она оказалась наверху так просто и быстро, что на секунду всем показалось, что ей и падать-то в яму было вовсе не обязательно.

Агнесс отряхнула ладони и спокойно сказала:

– Ну вот и всё.

Выбравшись из ямы, вся компания ещё несколько секунд стояла рядом, переводя дыхание. Потом все разом оживились: смех, хлопки по плечам, отряхивание одежды и шерсти, вытряхивание листьев и сухой травы. Яма осталась позади просто как неловкий эпизод, который уже начинал казаться забавным.

Агнесс отошла чуть в сторону, оглядывая место свежим, внимательным взглядом. Её не отпускало чувство, что история с ямой ещё не закончилась. В нескольких шагах от края, у корней старого куста, она заметила нечто странное. В землю была воткнута палка. К ней бечёвкой был привязан свёр-

нутый кусок бумаги.

Агнесс присела и не касаясь находки начала её рассматривать. Земля вокруг была примята так, словно здесь недавно стояли. Или останавливались. Следов было немного, но они были те самые, что то появлялись, то исчезали, если слишком пристально на них смотреть.

Она осторожно взяла палку и медленно повертела её в руках, оглядывая со всех сторон.

Сиквик отвлёкся от всеобщей радости по поводу выхода на поверхность из ямы и посмотрел на Агнесс.

– Что там, Агнесс? – спросил он, вытягивая шею.

Агнесс ответила не сразу. Она аккуратно отвязала бечёвку, развернула свёрнутый лист, пробежала глазами строки и на секунду улыбнулась. По улыбке Агнесс сразу становилось ясно, что новости будут явно необычными. Совёнок на её плече наклонился ближе к записке, вытянул шею и тихо ухнул, словно тоже пытался прочитать.

– Здесь кто-то был, – сказала наконец Агнесс. – Но она ушла.

Боб нахмурился.

– Кто был? Чупакабра? А она точно ушла?

Агнесс кивнула.

– Точно. Мне об этом лес нашептал. – она покрутила пальцем показывая на деревья вокруг. – А деревья подтвердили.

Она чуть наклонила голову и усмехнулась.

– И на этот раз они говорили исключительно печатными

буквами.

Она подняла записку и прочла вслух:

– «Дорогие охотники! Я ушла в отпуск на южные болота.

Вернусь через месяц. С уважением, ваша Чупа».

Агнесс сделала короткую паузу и дочитала приписку:

– «P.S. Вы очень забавно смотрелись в яме.».

Слова повисли в воздухе.

Шерман присел и машинально оглянулся на лес, будто ожидая увидеть кого-то за ближайшими деревьями.

– Ну и жуууть. – протянул Шерман поежившись.

Боб выдохнул и сказал глухо:

– Значит... она все таки была здесь. Смотрела.

Агнесс сложила записку и передала её Бобу.

– Да, – ответила она спокойно. – И ушла уже после того, как мы упали.

Несколько мгновений они стояли молча. Лес понемногу возвращался к обычным звукам, но ощущение чужого взгляда ещё держалось где-то между деревьями. Боб еще раз прочитал записку, потом медленно убрал ее в карман и тяжело вздохнул.

– Значит, – наконец сказал он, – мы так сегодня никого и не поймаем.

В его голосе прозвучало искреннее разочарование. Он снял кепку, повертел её в руках, будто надеялся найти там утешение, и покачал головой.

Но уже через секунду он выпрямился. Взгляд у него стал

другим – сосредоточенным и упрямым.

– Хотя... – продолжил Боб и усмехнулся. – Может, это и к лучшему. У нас будет целый месяц! Целый месяц на то, чтобы подготовиться как следует. Узнать всё. Проверить снаряжение. Переделать ловушки...

Он оживился, заговорил быстрее. – Да я за это время...

Агнесс посмотрела на него внимательно, чуть склонив голову. Совёнок на её плече моргнул и тихо ухнул, словно соглашаясь с её мыслями.

– Боюсь, – сказала она с мягкой усмешкой, – этот лес никогда от тебя не отдохнёт, Боб.

Боб широко улыбнулся и надел свою счастливую кепку.

Напряжение постепенно сошло на нет, будто его аккуратно унесло ветром между деревьями. Кто-то выдохнул, кто-то усмехнулся, и вдруг стало ясно: день ещё не закончен, а расходиться совсем не хочется.

– Ну что, – сказал Боб, оглядывая компанию, – раз уж мы всё равно вместе...

– ...то грех не поесть, – тут же подхватил Сиквик с таким видом, будто ждал этого предложения с самого утра.

Решение приняли быстро и единогласно. Нашли удобную полянку рядом с тропой, где корни старого дерева образовывали естественные сиденья. Друзья расселись прямо на корнях этого дерева, и разговор сам собой перешёл в спокойное, домашнее русло. Рюкзаки, сумки и карманы начали открываться и из них каждый доставал то, что осталось с утра или

было припасено «на потом». Боб первым вытащил свёрток с хлебом. Края ломтей уже подсохли и от этого корочка была даже привлекательней.

Сиквик, не теряя времени, извлёк термос. Он открутил крышку, и в воздух сразу же потянуло крепким кофе. Следом, из его, казалось бы, бездонной сумки, появился маленький мешочек с орехами и сушёными ягодами. Это был его «экстренный рацион», который, по его мнению, подходил для любого времени суток.

Питер достал то, что явно было припасено именно на ужин: вяленое мясо, аккуратно нарезанное и уложенное в плотную бумагу, и кусочек твёрдого сыра. Он разложил всё без лишних слов, точно и экономно.

Кевин, будто между делом, высыпал перед собой горсть свежих ягод, явно собранных по дороге, и тут же начал есть, не дожидаясь общего сигнала.

Еда получилась разной, но именно такой, какой и должен быть лесной ужин: собранной из остатков, запасов и случайных находок – общей и тёплой, как сама компания.

Они ели неторопливо, передавая друг другу хлеб, варенье и орехи.

– Всё-таки странно, – сказал он, отламывая кусок хлеба. – Жила себе, а как только мы начали её искать... она просто взяла и ушла.

– Ну она же не просто ушла, а в отпуск, – уточнил Сиквик, наливая себе кофе из термоса. – Причём, скорее всего,

заранее спланированный.

– Может, мы её спугнули? – неуверенно предположил Шерман. – Мы же шумели, бегали... падали.

Питер спокойно жевал сыр и кивнул.

– Некоторые звери не любят компанию. Особенно такую шумную.

Агнесс подняла взгляд от своей еды.

– Она не просто убежала, – сказала она спокойно. – Она выбрала другое место. Там, где тише. По крайней мере на время отпуска.

– Южные болота, – задумчиво повторил Боб. – Да... там народу поменьше.

Когда ужин подошёл к концу, еда исчезла так же незаметно, как и появилась в карманах и сумках, но в основном в воспоминаниях. Лес потемнел, между стволами проступили длинные тени, и всем стало ясно, что пора расходиться.

Питер первым поднялся, поправил ремень и спокойно попрощался, пообещав заглянуть, если в лесу снова появится что-нибудь необычное. Кевин махнул хвостом и, не дожидаясь ответов, исчез среди ветвей ведь ночь была его временем. Сиквик попрощался и ушел что-то бормоча себе под нос. Шерман задержался, неловко попрощался и ушёл, оглядываясь, будто проверяя, не осталась ли где-нибудь ещё одна ловушка.

Агнесс подошла к Бобу перед самым расставанием. Совёнок на её плече мирно дремал закрыв глаза.

– Береги лес, – сказала она просто.

Боб кивнул.

Он шёл домой один, по знакомой тропе, под медленно темнеющим небом. Хижина показалась впереди тёплая и надёжная. Боб остановился на мгновение, вдохнул вечерний воздух и улыбнулся.

Сегодня он никого не поймал.

Но он узнал достаточно нового за один короткий, длинный летний день.

Боб был уверен: это не конец его удивительных историй. Это было только начало.